

Миа

Когда это происходило, я не совсем осознавала, что делаю. Я злилась, и это совершенно понятно. Злилась на очень многих людей — примерно на полмиллиона человек.

Мне было страшно. Все скоро узнают, что я мошенница. Это, разумеется, так. Это так же очевидно, как и то, что горы высокие, а небо голубое. Я лгала стольким людям о важных вещах! И ради чего?

Я стояла перед обрывом в десяти шагах от края. Я могла бы остановиться, застыть на месте и ждать, пока кто-нибудь придет и отговорит меня. Но я вовсе не собиралась этого делать.

Я взяла свой телефон. Подумать только, я ведь делала ровно эти же движения по пятьсот-шестьсот раз за день! Сообщения привели меня в ярость. Я не хотела разговаривать ни с кем из этих людей. Это были либо незнакомцы, либо кто-то из Сети. Все они верили в несуществующую версию меня, все хотели от меня чего-то, частичку меня, но не настоящую. Просто желали чувствовать себя более заметными, менее усталыми и грустными, только чтобы разбавить скуку или безделье. Я не хотела отвечать ни на одно из этих сообщений и ни на один из этих звонков. Но мне все равно пришлось бы это делать. Я должна была просмотреть каждое из них, промотать километры ленты уведомлений, наверстать все дни пропущенных оповещений, сообщений и фотографий. «Лайк», «лайк», опять «лайк».

Только я ничего этого не понимаю. Моя мама любит говорить, что если взять всю историю человечества и втиснуть ее в расстояние, равное длине футбольного поля, то количество времени, в течение которого мы пользуемся мо-

Келли Хармс

бильными телефонами, окажется меньше ширины человеческого волоса.

Человеческий волос.

Мои собственные грязные потные волосы зачесаны назад и собраны в хвост, еще не отросшие прядки выбились из прически около лица и прилипли к щекам. Я протягиваю к ним руку и чувствую грязь — она человеческая, *реальная*, и так отличается от запатентованного полимера, который покрывает мой телефон, защищая его от ударов, чтобы ничто *реальное* не могло его коснуться. Он всегда наготове, всегда у меня под рукой, независимо от того, где я нахожусь.

И я знала: это не реально. Ничего из того, что я делала последние пять лет, не было реальным. Все это были нули и единицы, «лайки» вместо реальной симпатии, «друзья» на странице в социальной сети вместо настоящих друзей, подписчики, которые не готовы подписаться под моими словами. Я хотела от него избавиться, освободиться от него не на двадцать четыре часа, не на неделю, а навсегда.

Я остановилась прямо на краю горного склона, где перила ограждений поднимались, чтобы поймать меня, прежде чем я упаду. Я уже не могла думать о том, что собираюсь сделать, даже на секунду. Если я остановлюсь, великолепный механизм, созданный всеми этими разработчиками приложений и программистами, снова победит. Я кину в этот игровой автомат еще один жетон своей жизни. Я должна была действовать.

Я крепко сжала телефон в руке и завела руку назад.

Когда я отпустила его, телефон пролетел по воздуху, над краем утеса, затем исчез из виду, падая вниз, а потом я услышала, как он ударился о землю. Он издал небольшой хруст. А потом меня догнало приятное эхо.

И вот так, без возможности поделиться этим с кем-то, наконец-то началась моя настоящая жизнь.

ЧАСТЬ 1

КЛИКИ ПЕЙДЖ

Миа

Привет, любимые! Гуляю по невероятному лесу в одном из удивительных парков штата Колорадо. Такер передает привет! Только посмотрите на этот вид (в кои-то веки говорю не о себе, да-да). Когда стоишь в этих парящих Скалистых горах, сердце тоже парит, думаю, и вы бы не устояли. Напишите в комментариях, что заставляет ваше сердце парить? Откуда вы черпаете вдохновение в повседневной жизни? Всех люблю! Миа.

С того места, где я стояла, горы было видно во всех направлениях. Слева самые высокие, они будто тянулись, выросли каждый раз, когда я оглядывалась назад, отбрасывали тени, возвышаясь надо мной. Справа от меня они опрокидывались, падали, как волосы на спину Рапунцель: вниз бежали реки камней и кустарника и, вероятно, если бы мои глаза не застилала слезы, было бы видно и настоящие речушки. Передо мной стояла скамейка, и я села на нее, опрокидывая голову все дальше и дальше назад, в положение, которое каждый учитель йоги назвал бы нездоровым, так что смогла прочесть знак над собой вверх ногами.

Что сказал Такер, когда узнал, что я могу читать вверх ногами? *Ты потрясающая. Ты вообще чего-то не умеешь? И за что мне так повезло?*

Что написал Такер, когда я спросила его, почему он опоздал на встречу у этой скамейки в парке, где я все еще вытягиваю шею, вероятно, стирая позвонки С1-С4? *Я не думаю, что мы должны это делать.* «Это» — наша свадьба.

Мой мозг перевернул буквы на вывеске так, что я увидела их правильно. Там было написано:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ в ЛЭНДЖ СТЭЙТ ПАРК

Здесь была и карта тропы, истертая от пальцев блуждающими по ней, и держатель регистрационного бланка из оргстекла, и табличка «Высота 8890», которую я бы вырезала из нашей с Такером фото, если бы Такер вообще был тут, потому что 8990 футов над уровнем моря в Колорадо — высота посредственная, и те, кто знает это, поймут, что мы вообще не ходили пешком, а просто приехали сюда, припарковавшись на стоянке, попозировали для нескольких фотографий, а затем поехали обратно в отель, где мы и остановились.

Там, где я остановилась. Там, где я теперь осталась одна.

Я жила одна с тех самых пор, как приехала в Колорадо. Трудно быть интернет-знаменитостью без помощника, но я справлялась, потому что Такер планировал поехать на работу на прошлой неделе — ему нужна была передышка, короткий перерыв между работой и нашей свадьбой. Я тоже хотела бы передохнуть, но мои подписчики этого бы не позволили. Я должна обновлять страницу по нескольку раз в день, чтобы у них было что-то приятное в ленте. По какой-то причине этим приятным должна быть я.

Штативы становятся все лучше и лучше, но они медленные и громоздкие, так что я купила дешевый пульт дистанционного управления, всего три щелчка, и можно получить хорошее фото. Три щелчка, пока я позирую в определенном месте, с определенным выражением лица, с застывшим в том или ином положении телом, иногда в асане, позе йоги — *воин 2* или *полумесяц* — одни из самых фотогеничных поз. Ни в коем случае не *воин 1* или *ворон*. Несмотря на то, что я много лет занимаюсь йогой, будучи интернет-знаменитостью, мне еще ни разу не удавалась

Вне зоны доступа

поза ворона без выражения лица, говорящего о расстройстве желудочно-кишечного тракта.

— Эй, тут занято?

Я подняла голову медленно-медленно, пока она не оказалась в нормальном положении. Разумеется, сразу же заболела шея. Передо мной стоял парень с огромным альпинистским рюкзаком, но еще не свернутым коврикком. Я носила такой рюкзак раньше, когда занималась скалолазанием во время месяца #выйдинаулицу, спонсируемого #Outfitters Inc. и #Mountainhigh Climbing Gym, и я знала, какой он тяжелый и громоздкий. Я встала со скамейки.

— Можешь присесть.

— Спасибо, — поблагодарил он и добавил: — Я ненадолго.

Я посмотрела на него. «Слишком рыхлый, чтобы быть скалолазом», — подумала я и сразу напомнила себе, что пора остановиться в своих предположениях. Он довольно хорошо умеет собирать свое снаряжение, по сравнению со мной — человеком, который должен был заставить Такера сделать это, а потом сфотографировать меня постфактум. Я улыбнулась мистеру Дауи и сказала:

— Сегодня я не заметила других альпинистов, что в общем-то довольно убедительно, учитывая тот факт, что я жду Такера возле этой скамейки уже час. — Он пожал плечами.

— Проводники никогда не приходят сюда. Слишком много времени уходит на то, чтобы выйти на сами маршруты. И они довольно высокие — я имею в виду, очень крутые.

Я кивнула, а потом подумала, стоит ли мне остаться здесь еще на несколько часов, чтобы позвонить в 911, когда я услышу, что тело этого несчастного упало на землю.

— Ты поднимаешься один? — спросила я, снова садясь на скамейку, потому что мысли о восхождении утомили меня.

— Моя девушка уже там, — ответил он, отползая от меня.

Хотелось бы уточнить: я не флиртвала. Хотела бы я сказать ему, что мой жених едет сюда, чтобы сфотографироваться со мной перед ужином, потому что через два дня мы поженимся, но это не так. Такер только что написал мне, что это не так. Я начала плакать. Альпинист выглядел испуганным.

— Прости, я не хотел этого говорить. Я просто хотел сказать...

Я отмахнулась от него. Ему и не нужно знать.

— Дело не в тебе, — бросила я, и это прозвучало немного стервозно, что хорошо — ведь я не знаю этого парня. Но мысль о том, что я была груба с незнакомцем, заставила меня чувствовать себя ужасно, пока мой разум услужливо не вернулся обратно к Такеру. В конце концов, он мог бы быть и повежливее. Я ведь не просила его жениться на мне, не так ли?

Я повернулась, чтобы уйти. Мне давно уже было пора уходить. Строго говоря, я должна была уехать еще несколько часов назад. Да и приходиться не следовало.

Но сначала фотографии. Даже при самом плохом раскладе должны быть фотографии.

Указательными пальцами я осторожно вытерла слезы под нижними ресницами, чтобы не размазывать тушь, стараясь при этом не открывать рот, — этот универсальный импульс — открывать рот, когда касаешься ресниц, — был однажды запечатлен на пленке, и я научилась больше никогда не делать этого снова. Тогда я была похожа на тонущую рыбу.

— Ты можешь меня сфотографировать? — спросила я альпиниста. — Просто быстрый снимок. — Я вздохнула, повернулась, опустила подбородок и расширила глаза так, словно внутренне улыбаюсь. Ему просто нужно запечатлеть меня на фоне какого-нибудь горного пейзажа. Кроме того,

Вне зоны доступа

ну, я все равно буду редактировать все это, как редактирую вообще все фотографии. Как и все мы.

Хотя, может быть, не все из нас. Альпинист выглядел озадаченным.

— Ну ... ладно, — ответил он через секунду и взял мой телефон. Он потянулся пальцем к экрану, щелкнул и, не глядя, вернул его мне. Я выдохнула, опустила плечи, сжала рот в тонкую линию и забрала телефон обратно, чувствуя, как мое настоящее, страдающее от боли в сердце, опустошенное «я» снова дало о себе знать.

— Спасибо, — искренне поблагодарила я. — Удачного подъема.

— И тебе, — пожелал он, хотя я явно не собиралась никуда лезть. Единственное восхождение, которое я сегодня совершу, — это к бутылке бурбона. Но тогда, возможно, судя по выражению моего лица, это именно то восхождение, о котором он говорит.

Пейдж

— Не хочу никого шокировать, но система распознавания лиц только что дала этому пенису имя.

Весь офис разразился смехом. Я тоже засмеялась, но в тоже время мне стало любопытно. Что такого было в том пенисе, что заставило нашу программу думать, что это был человек, и кто этот счастливчик? Зная мою компанию, окажется, что это кто-то, для кого эта штука будет дико оскорбительна, вроде Ганди. Или Пэта Никсона.

— Я хочу увидеть пенис, — заявила я.

— Конечно, ты хочешь, Пейдж, — протянул Питер Мейсон, человек, оповестивший всех о пенисе. — Единственная возможность взглянуть, а?

Никто не засмеялся. Не потому, что мои коллеги считали это несмешным или неправильным, а потому, что только на прошлой неделе в нас вселили страх божий во время последнего веб-семинара по сексуальным домогательствам, и, судя по всему, за исключением Питера, непроходимого идиота, мы все очень хотели сохранить нашу работу, которая, хоть и жалкая, но дико прибыльная. Мы, сотрудники отдела безопасности Pictey и «Группа обеспечения качества», были одними из лучших и самых высокооплачиваемых работников всего холдинга Pictey, и, конечно, только люди, которых я знаю, могут работать сорок часов в неделю, наслаждаясь гибким графиком, стабильным рабочим процессом и большим набором корпоративных льгот, зарабатывая при этом 500 000 долларов в год.

Нас сорок человек, и мы никогда не бываем в одном и том же месте в одно и то же время, а еще нам платит государство. Когда пользователи Pictey (или, как их называют

наши повелители, «пиктины») видят картинку, которая заставляет их поморщить их нежные носы, они щелкают ее правой кнопкой мыши, и она отмечается жалобой, попадая в какое-то проприетарное программное обеспечение, чтобы разобраться, является ли она, скажем, флагом Конфедерации или просто сложенным Юнион Джеком; это сосок или просто губы уточкой? Если программа не может дать точного ответа, а она часто не может его дать, она показывает эту фотографию одному из нас. И мы, преисполняясь бесконечной мудростью, решаем, является ли это кибербуллинг или чем-то непристойным, опасным, подстрекательским, вредным или угрожающим, а может, это просто невинная глупость. А еще мы видим много пенисов.

Пенис, который сейчас находится на моем экране, на самом деле довольно велик. Я имею в виду, что он жутко уродлив, как и все мужские гениталии, но кроме этого очень дружелюбно выглядит, и я даже вижу лицо. Кожа бледная, а часть головки как будто бы образует улыбку.

— Программа сказала, кого именно она определила? — спросила я из своего закутка.

Мой мессенджер открылся, и я увидела лицо слишком загорелой белой женщины с волосами, собранными в пучок, и какой-то большой, расплывшейся улыбкой. Ее глаза были закрыты. *«Она не похожа на пенис, — напечатала я в ответ. — Пенис похож на нее».*

Мои слова сменились эмодзи с большими пальцами, и я закрыла все окна, возвращаясь к экрану, потому что на этой работе время — деньги. Всплыла фотография женщины, кормящей ребенка грудью. Я нажала «Да». Далее — экстремально крупный план уха. Я снова стукнула по «Да». Далее — волосатая мошонка. Нажала «Нет». Следующая — холостячка с нарисованным на щеке пенисом. Я замешкалась на две-три секунды, затем нажала «Да».

Вообще мне нравится такая работа. Мы можем до двадцати часов в неделю заниматься только просмотром фото-

графий. Думаю, если бы не мои несчастные глаза, я могла бы отсидеть здесь все двадцать часов за один день. Но я так не делаю. Я выделила себе тридцать минут в каждом часе, чтобы делать гораздо более мрачную работу, на которую у меня должно уходить пятнадцать часов в неделю, чтобы сохранить свою работу: это обзор контекста. Эта работа ужасна. Это ужасно, и именно поэтому нам так хорошо платят.

Я бы сказала, что примерно одна из десяти тысяч фотографий, которые я вижу, действительно расстраивает, и это не просто часть тела или расистское оскорбление, любая реакция на которые уже давно мертва внутри меня. Но потенциал жестокости письменного слова очень велик, и люди бьют им невероятно сильно, а компьютеры гораздо хуже отсеивают этих монстров. Например, слово «негр» настолько контекстуально зависимо, что мне часто приходилось читать целые абзацы, прежде чем я понимала, является ли оно вдохновляющим или расистским.

И еще есть странные фразы, которые мы должны проверять, например, «Энн Коултер», которая используется как действительно мерзкое уничижительное слово, по крайней мере, в 30 процентах случаев. Подростки, как правило, используют несколько ключевых фраз, когда подталкивают друг друга к самоубийству, включая (как тонко) само слово *самоубийство*, и то огромное количество раз, когда я не удаляла слово *самоубийство*, заставляло меня думать, что все девочки-подростки больше не просят друг друга убить себя, день за днем, в дождь или солнце. Что иронично, потому что, по моему опыту, в подростковом возрасте тебя и просить не надо.

Но все же мы должны проверять это, потому что вдруг кто-то придет на наш сайт, чтобы рассказать о том, что кто-то желает покончить с собой, или потерял в семье, или нуждается в помощи, чтобы этого не делать?

Жирный — это самое безобидное слово, хотя и оно не доставляет мне удовольствия. *Жирный* плюс «рыбий»

и плюс «кислоты» одобрены для нас программным обеспечением для анализа. *Жирный* плюс *тунец* и *жирный* плюс *грудь* немного сложнее, потому что они могут как означать абсолютно законные вещи, так и быть отвратительными оскорблениями. Слово *жирный*, сопровождаемое почти любым другим словом в английском языке, а также используемое для окончания предложения, вероятно, является оскорблением, но оскорбления допускаются, когда направлены на определенные части населения. Например, на Pictеy всем разрешено называть президента толстяком. Он действительно толстяк, но как по мне, не очень-то полезно говорить об этом в публичном дискурсе. Я и сама жирная, и мне не очень нравится читать это слово две тысячи раз в неделю, но, с другой стороны, благодаря слову *жирный*, я очень богатая *жирная*. Я та, кто может позволить себе много жирного и тунца в лучших суши-ресторанах долины.

Вы не можете назвать молодого человека жирным на pictеy.com. В результате многие подростки называют друг друга бочками сала, мешками сала и вообще любыми контейнерами с топленым свиным жиром. Они помечаются пользователями, а я читаю их и решаю, должна ли Сандра Лэнгингем из Саут-Бенда, штат Индиана, видеть такие личные нападки на свой канал в Pictеy до конца вечности.

Мое решение всегда — «Нет».

Pictеy доступен для скачивания в Apple Store и Google Play в 168 странах. Однажды мы попытались перечислить 168 стран на нашей доске в офисе, и все сорок из нас, вместе взятых, не смогли этого сделать, хотя я, единственная из всех, смогла перечислить все страны постсоветского пространства по часовой стрелке (все всегда забывают Молдову).

В каждой из этих стран есть офис, похожий на наш. В каждом офисе, подобном этому, работают от одного до восьмидесяти человек, носителей языков, которые делают то же, что и я, в течение рабочего дня, хотя только жители Англии, Скандинавии, Японии, Дубая и Штатов получают так

же хорошо. В Австралии наши коллеги зарабатывают вдвое меньше, по крайней мере, так нам говорят. В Непале у нас есть офис всего из шести человек, и они зарабатывают десять центов на один заработанный мной доллар. Десять центов! Но если верить переписке между нашими офисами, в Непале нет кибербуллинга. По крайней мере, пока. Если бы я могла делать эту работу, не читая огромного количества кибербуллинга, я бы пошла на сокращение зарплаты. Скромное сокращение зарплаты.

Странная, очень странная у меня работа.

Когда я была ребенком, я вряд ли говорила своим тогда еще не разведенным родителям, что хочу стать специалистом по безопасности и качеству, когда вырасту. Я не говорила им, что хочу весь день сидеть в большом опен-спейс-офисе, с превосходными удобными эргономичными креслами и смотреть на фотографии мошонок и губ уткой. Я не говорила: «Как хотелось бы найти работу, где я получала бы бесплатную терапию каждую неделю в целях личной безопасности».

Я хотела быть почтальоном.

Мой кухонный таймер в виде помидора зазвонил. На сегодня я закончила проверку. Картинка, на которой я остановилась, и какая-то болтовня из потока комментариев к записи крупного инфлюенсера, зависли на моем экране. Я вышла из системы беззаботно, потому что нас учили этому — как уходить беззаботно — и мой менеджер и психотерапевт регулярно проверяли, как я с этим справляюсь. Я начала пролистывать анкету по эмоциональной безопасности. *Да, я спокойна. Нет, мне нечего сказать о сегодняшних картинках. Да, я готова оставить работу на сегодня и вести нормальную жизнь.* Вопросы приходили каждый день в разном порядке, с небольшими изменениями в формулировке снова и снова, так что мы вынуждены были и правда читать их все, а не щелкать по памяти. Если вы нажимали что-то не так, вам нужно было назначить сеанс терапии либо в тот же момент, либо на следующее утро,